

Аликина Елена Вадимовна

ПЕРЕВОДЧИК КАК МЕТАЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Рассматриваются основные подходы и концепции в изучении языковой личности. Проводится обзор существующих типологий языковой личности. Описываются основные характеристики профессиональной языковой личности переводчика. Вводится понятие "метаязыковая личность переводчика". Определяются цели профессиональной подготовки переводчика с позиции педагогики перевода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 15-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Аношкина В. Н. Православные основы русского романтизма // Современное прочтение русской классической литературы. М.: Пашков дом, 2007. С. 38-55.
2. Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. Т. 1. С. 20-104.
3. Бронников К. И. Путешествие к Святым местам, находившимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. М.: Тип. С. Селивановского, 1824. 287 с.
4. Гоголь Н. В. Размышления о Божественной литургии. Репринтное издание. М.: Современник, 1990. 121 с.
5. Гуминский В. М. Египет и Синай глазами русских паломников [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/060218083400.htm> (дата обращения: 19.09. 2012).
6. Гуминский В. М. Путешествие Гоголя по Святой Земле в контексте развития паломнической литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voskres.ru/literature/critics/guminskiy1.htm> (дата обращения: 12.01.2014).
7. Евдокимов П. Н. Искусство иконы. Богословие красоты / пер. с фр. иеромонаха Димитрия (Захарова) и Е. Л. Майданович. Клин: Христианская жизнь, 2005. 383 с.
8. Кириллин В. М. Жанрово-тематические особенности древнерусских сказаний об иконах [Электронный ресурс]. URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/39001.php?ELEMENT_ID=39001&SHOWALL_2=1 (дата обращения: 07.11.2012).
9. Меднис Н. Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. Новосибирск: Ин-т филологии Сибирского отделения Российской академии наук, 2006. Вып. 10. С. 58-67.
10. Моклецова И. В. «Хождения» в русской культуре и литературе X-XX веков. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. Ч. 1. 73 с.
11. Морозова Н. Г. Функции экфразиса в путевых очерках Н. А. Бестужева // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (45). С. 210-212.
12. Поселенова Е. Ю. Паломнический текст как образец взаимодействия художественного и религиозного сознания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 3 (118). С. 142-146.

RELIGIOUS ECPHRASIS IN THE PILGRIMAGE OF KIR IVANOVICH BRONNIKOV (1824)

Aleksandrova-Osokina Olga Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Far Eastern State University of Humanities
osokina-11@mail.ru

The article concerns the poetics of religious ecphrasis in the pilgrimage of Kir Ivanovich Bronnikov (1824). Religious-aesthetic world-view of the author manifests itself in the forms of "naïve" description and created by means closely related to folk poetry; the structure of ecphrasis includes both static and dynamic descriptions. The description of divine services in the book allows speaking about the creation of a special type of ecphrasis – liturgical. The historical and literary value of the material consists in the perception of artistic regularities of spiritual religious prose.

Key words and phrases: spiritual prose; ecphrasis; travelogue; pilgrimage; religious literary criticism; tradition and innovation; "journey"; orthodoxy and literature; romanticism.

УДК 347.78.034

Филологические науки

Рассматриваются основные подходы и концепции в изучении языковой личности. Проводится обзор существующих типологий языковой личности. Описываются основные характеристики профессиональной языковой личности переводчика. Вводится понятие «метаязыковая личность переводчика». Определяются цели профессиональной подготовки переводчика с позиции педагогики перевода.

Ключевые слова и фразы: переводчик; языковая личность; метаязыковая личность.

Аликина Елена Вадимовна, к. пед. н., доцент
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
elenaalikina@yandex.ru

ПЕРЕВОДЧИК КАК МЕТАЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ[©]

В конце XX века вектор развития современных гуманитарных наук, в т.ч. переводоведения, определила теория языковой личности как отражение антропоцентрической парадигмы. Применительно к любому лингвистическому образованию можно утверждать, что систематизирующим фактором построения его модели является формирование профессиональной языковой личности обучающегося. Степень проблемности и парадоксальности данной задачи по отношению к переводческой деятельности отражена в ее специфике, которая, как отмечают М. В. Загидуллина и Л. А. Нефёдова, такова, что, с одной стороны, личность переводчика должна как можно меньше отражаться на продукте его деятельности, а с другой, креативный, т.е. личный характер перевода не может ставиться под сомнение [5]. Прежде чем раскрыть характеристики

языковой личности переводчика, считаем целесообразным рассмотреть основополагающие подходы и концепции изучения языковой личности.

Предпосылки появления лингвистических трактовок личности восходят к трудам неогумбольтианцев. Однако концепция языковой личности обрела свой подлинный научный статус в работах Ю. Н. Караулова в виде теоретико-гносеологической модели, включающей три уровня: 1) вербально-семантический, 2) лингвокогнитивный и 3) мотивационный. Уровневая модель языковой личности, как пишет Ю. Н. Караулов, соотносится с трехуровневостью смыслового восприятия (по И. А. Зимней) и понимания, являющимися отправными точками процесса перевода [7].

Е. В. Шелестюк [17] рассматривает языковую личность как результат сложения компонентов трехуровневой структуры с субкомпонентами, содержание которых сближает их с категорией компетентности/компетенции. Вербально-семантический уровень включает языковую компетентность, а также речевые способности и умения, позволяющие семантизировать чужую мысль и выражать свою. Субкомпонентами лингвокогнитивного уровня являются способность к пониманию, к продуктивной переработке чужих категориальных структур, фоновые знания, способность к логическому мышлению и изложению собственной мысли и др. Третий уровень включает мотивы, поведенческие стратегии, установки и эмоции.

Возможно предположить, что переводчики обладают высоким уровнем развития языковой личности. Наиболее ярко выраженными характеристиками являются способность к адекватной семантизации чужой мысли и продуктивной переработке чужих структур, развитая система фоновых знаний и способность к их постоянному накоплению, а также устойчивые мотивы. Необходимо отметить профессионально обусловленную нейтрализацию категоричности суждений переводчика. Однако полагаем, что вне рамок переводческого процесса переводчику свойственны критическое мышление, наличие собственных взглядов на проблему и сформированность соответствующих категориальных конструктов.

Непосредственный интерес в плане изучения личности переводчика представляет градация, предлагаемая В. В. Красных. Автор формулирует четыре понятия, составляющие систему личностных феноменов: человек говорящий, языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность [8]. По мнению Л. В. Кушниковой и С. Г. Улитиной, для переводческой деятельности более адекватным является понятие речевой личности, поскольку для обеспечения оптимального взаимопонимания переводчик осуществляет сознательный выбор той или иной речевой стратегии [11].

В концепции А. В. Пузырёва наряду с языковой, речевой и коммуникативной личностями вводится понятие «личность мыслящая в пределах конкретного языка» [13]. Это личность, за которой стоит универсальная культура. По нашему убеждению, перспективным становится рассмотрение личности переводчика не только в модусах его профессиональной (речевой) и языковой (многоязычной) личности, но, прежде всего, как мыслительной личности, поскольку вопрос о том, на каком языке переводчик думает во время перевода, является ключевым для постижения сути переводческой деятельности.

Возвращаясь к типологии языковой личности, следует обратить внимание на концепцию С. Н. Плотниковой, которая выделяет языковую, коммуникативную и дискурсивную личности. Первая есть человек, обладающий языковой способностью. Коммуникативная личность участвует в процессе коммуникации, выступая в роли адресата и/или адресанта. Дискурсивная личность порождает определенный дискурс в виде сообщения любого типа и несет ответственность за его содержание [12].

В ином ключе рассматривает языковую личность В. И. Карасик [6]. Ученый определяет данный феномен как обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и реакций. Основываясь на культурогенной значимости порождаемых в ту или иную историческую эпоху текстов, В. И. Карасик выделяет языковые личности «жреца», «ремесленника» и «фокусника». Именно фокусники создают тексты эпохи постмодернизма и глобализации, характеризующиеся гипертекстовыми связями, возможностью переключения в любой другой текст, жанр, способ передачи и хранения информации, смешением дискурсов, игровой сущностью.

В лингводидактике получила широкое распространение разработанная И. И. Халеевой концепция вторичной языковой личности, формирование которой рассматривается как одна из целей в обучении иностранным языкам. При формировании вторичной языковой личности происходит удвоение языковой и когнитивной сфер сознания за счет приобщения к другим картинам мира, при этом мотивационная сфера обогащается [16]. Н. Д. Гальскова при определении вторичной языковой личности выдвигает на первый план коммуникативные способности, необходимые для осуществления межкультурной коммуникации. Вторичная языковая личность – это «совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур» [4, с. 46].

Солидаризируясь с мнением А. В. Пузырёва [13], считаем, что логичным было бы принять за единицу анализа субъект, а не его качества и свойства. Важно подчеркнуть, что в приведенном выше определении речь идет о владении иностранным языком, но не об осуществлении профессиональной переводческой деятельности, которая предполагает, во-первых, как минимум билингвальность, а во-вторых, заданность извне смысловых программ.

Размышляя о множественности языковых пространств, формирующихся вокруг человека, овладевающего несколькими языками, С. Н. Плотникова замечает, что вторичная языковая личность обладает меньшей языковой территорией и по отношению к первичной языковой личности является «маленькой», неразвитой, что имеет место, например, на начальном этапе изучения иностранного языка [12]. К тому же возможны жизненные ситуации, когда, как пишет Т. С. Серова, не первый по времени усвоения язык становится доминантным [14].

Полагаем, что билингвальность личности переводчика носит особый характер. Это предполагает иное знание родного и иностранного языков, иной способ когнитивной обработки данных, что приводит к изменениям в языковом сознании переводчика, а следовательно, к формированию особого типа языковой личности. Другими словами, «языковая личность переводчика не есть закономерный этап развития вторичной языковой личности» [3, с. 198], она возникает в контексте профессиональной деятельности, формируется в результате выполнения социальной миссии и является автономной [15].

Мы склонны согласиться с рядом авторов, которые говорят о целесообразности различать профессиональную языковую личность и профессиональные особенности языковой личности. Среди дифференциальных признаков профессиональной языковой личности Е. Н. Азнамеева [1] выделяет владение профессиональным языком, использование профессиональных знаний в речевой деятельности, развитие языковой научной картины мира, владение профессиональным тезаурусом, следование стереотипам профессионального поведения. Указанный набор признаков характеризует языковую личность переводчика как исследователя (субъекта переводоведческого дискурса) или преподавателя (субъекта педагогического переводоведческого дискурса) и не отражает специфику собственно переводческой практики субъекта переводческого дискурса.

Интересным является представление С. Н. Плотниковой сущности переводческой деятельности: переводчик «призван заменить собой отсутствующую у коммуниканта языковую личность и тем самым обеспечить ему возможность взаимодействия с собеседниками в данном коммуникативном пространстве» [12, с. 38]. Опираясь на трактовку С. Н. Плотниковой, Е. Ю. Куницына высказывает мысль о том, что переводчик, «переходя из одной области перевода в другую, сменяет одну дискурсивную личность другой, но не в смысле вытеснения, а скорее, в смысле приращения» [9, с. 104], т.е. переводческая личность проявляет себя множеством дискурсивных личностей. Схожую аналогию можно привести и в отношении актера как перевоплощающейся языковой личности. Согласившись с мнением С. Н. Плотниковой и Е. Ю. Куницыной, считаем важным уточнить, что переводчик не создает свой дискурс, а участвует в процессе порождения дискурсов.

На наш взгляд, языковая личность переводчика в большей мере соответствует типу фокусника (по В. И. Карасику) или игрока. В этой связи обращает внимание людическая теория перевода, разработанная Е. Ю. Куницыной. Перевод рассматривается автором как игра, ключевым игроком в которой выступает переводчик [9]. К важным характеристикам языковой переводческой личности Л. П. Тарнаева относит социентричность, многорольность, поликультурность, толерантность, а также элитарность речевой культуры [15]. Элитарность языковой личности переводчика подробно анализируется в работе Л. В. Кушниной, М. С. Силантьевой [10]. Авторы относят к элитарности владение нормами литературного языка, этическими и коммуникативными нормами, богатство словарного запаса, свободное использование функционального стиля речи, соответствующего ситуации коммуникации и др. Считаем целесообразным добавить такие черты личности переводчика, как *переводческая интуиция* (эвристическая догадка, чувство языка, межкультурная чуткость) и *переводческая эрудиция* [2].

Таким образом, мы рассмотрели подходы к определению сути языковой личности, ее типологизации, а также наметили те черты языковой личности, которые в наибольшей степени коррелируют со спецификой переводческой деятельности. С целью внесения терминологической ясности считаем возможным разграничить понятия языковая и метаязыковая личности переводчика.

В нашем понимании *метаязыковая личность переводчика* – это профессиональная языковая личность межкультурного и межъязыкового посредника, который обладает следующими чертами: создает универсальное мыслительное пространство, аккумулирующее мысли других языковых личностей; является сбалансированным билингом; выступает носителем элитарной речевой культуры; на основе эмпатии проявляет себя множеством других дискурсивных личностей; руководствуется заданными извне мотивами и замыслами; выстраивает свое речевое и невербальное поведение в соответствии со стратегиями, обеспечивающими максимально положительный коммуникативный эффект, и осознанием возможных рисков, а также в пределах профессиональных этико-деонтологических норм.

В свою очередь, *языковая личность переводчика* есть профессиональная языковая личность, которая характеризуется такими свойствами, как мультилингвальность, поликультурность, социентричность, толерантность, элитарность, устойчивость установок и оценок, развитость и открытость системы экстралингвистических знаний, владение переводоведческой терминологией и тезаурусом переводоведческого дискурса, обладание переводческим мировоззрением.

Если формирование языковой личности соотносится с педагогической целью профессионального развития будущих переводчиков, то формирование метаязыковой личности переводчика следует рассматривать как дидактическую цель обучения переводу.

Список литературы

1. Азнамеева Е. Н. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 39. № 43 (181). С. 5-9.
2. Аликина Е. В. Интуиция в переводческой деятельности: переводческий аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11-1 (29). С. 13-15.
3. Волкова Т. А. Стратегия перевода как параметр изучения языковой личности переводчика // Вестник ЧГПУ. 2012. № 6. С. 192-209.
4. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. М., 2000.
5. Загидуллина М. В., Нефёдова Л. А. Введение // Языковая личность переводчика: коллективная монография. Челябинск, 2011. С. 4-7.

6. Карасик В. И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия ВГПУ. 2011. Т. 62. № 8. С. 109-115.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003.
8. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
9. Куницына Е. Ю. Языковая личность переводчика как сущность и ипостась // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. 2008. № 10 (34). С. 103-106.
10. Кушнина Л. В., Силантьева М. С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 6 (12). С. 71-75.
11. Кушнина Л. В., Улитина С. Г. Речевая личность переводчика в ее отношении к речевым компетенциям в научном дискурсе // Индустрия перевода. 2013. № 1. С. 196-200.
12. Плотникова С. Н. Говорящий/пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4. С. 37-42.
13. Пузырёв А. В. Попытки целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности. Пенза, 2002.
14. Серова Т. С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // Язык и культура. 2010. № 4. С. 44-56.
15. Тарнаева Л. П. Концепции языковой личности в контексте проблем переводоведения // Вестник Ленинградского ун-та. 2008. № 2 (13). С. 55-68.
16. Халева И. И. Подготовка переводчика как «вторичной языковой личности» // Тетради переводчика: науч.-теор. сб. М., 1999. Вып. 24. С. 63-72.
17. Шелестюк Е. В. Зависимость смыслового восприятия и речевого воздействия от уровня языковой личности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2. С. 118-123.

TRANSLATOR AS METALINGUISTIC PERSONALITY

Alikina Elena Vadimovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Perm National Research Polytechnic University
elenaalikina@yandex.ru

The basic approaches and conceptions of language personality's study are considered. The survey of existing language personality's typologies is conducted. The basic characteristics of translator's professional language personality are described. A concept of "translator's metalinguistic personality" is introduced. The objectives of translator's professional training from the perspective of translation pedagogy are determined.

Key words and phrases: translator; language personality; metalinguistic personality.

УКД 8

Филологические науки

В статье затрагиваются вопросы возникновения имплицитных явлений в искусстве. Рассматриваются происхождение и развитие подобных явлений в разных проявлениях искусства. Поднимается вопрос об имплицитных явлениях, преобразовавшихся в различные виды средств художественной выразительности, что впоследствии привело к возникновению подтекста. Актуальность работы – в выявлении альтернативных функций метафоричности, пронизывающей разные виды искусства и являющейся одним из способов передачи подтекста.

Ключевые слова и фразы: метафоричность; подтекст; искусство; возникновение искусства; имплицитность; метафора; скрытое значение.

Антипова Светлана Сергеевна

Владивостокский университет экономики и сервиса
Ps_sveta@mail.ru

ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ИСКУССТВЕ: ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ[©]

В данной работе мы коснемся проблемы имплицитных явлений в различных проявлениях искусства Древнего мира и Средневековья, а также последующих периодов его развития и существования. Мы рассмотрим такие имплицитные явления, как метафоричность и подтекст, прочно связанные друг с другом. О связности приходится говорить в контексте глубокого взаимопроникновения одного из названных выше явлений в другое. Искусство в разных своих проявлениях – будь то изобразительное искусство, литература или даже кинематограф – изобилует метафорами и метафоричностью. Цель метафоричности, на наш взгляд, в украшении чего бы то ни было, в ассоциативной интерпретации, в том, чтобы заострить внимание на важном, позволить задуматься, переосмыслить, углубить знания, переоценить уже имеющиеся ценности, и, наконец, выявить высший смысл бытийности. В процессе познания понятия с помощью вышеперечисленных действий человеческое сознание выходит на иной уровень понимания, что в итоге можно назвать выявлением подтекста произведения, подтекста ситуации или подтекста выражения.